

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ (К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ)

Е. Ф. Нечаева

Московский институт экономики, менеджмента и права

Поступила в редакцию 25 мая 2009 г.

Аннотация: в статье уточняются понятия «языковое сознание» и «национальный менталитет», говорится о возможностях изменения языкового сознания и индивидуальной картины мира через билингвизм, перечисляются доминанты русской языковой личности, русского менталитета и русского коммуникативного поведения.

Ключевые слова: языковое сознание, национальный менталитет, языковая личность, индивидуальная картина мира, индивидуальное знание, билингвизм.

Abstract: the article analyses various approaches to the notions of language structure and national mentality. The difference between linguistic consciousness, national mentality and personal (individual) cognition is identified. The writer looks upon bilingualism as an opportunity to enlarge personal cognition and pass the local limits of linguistic consciousness. The dominant features of Russian language speaker, Russian mentality and Russian communicative behavior are listed.

Key words: linguistic consciousness, national mentality, linguistic personality, individual worldview, individual knowledge, bilingualism.

Вопросы о непосредственном взаимодействии языковой структуры с ментальными проявлениями легли в основу гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа.

Б. Уорф обратил внимание на специфические особенности возникновения «языкового восприятия мира» [1, с. 198], на познание мира с помощью языковых средств и влияние такого познания на деятельность людей. Как отмечает Е. В. Сомова, «не пользуясь термином «картина мира» непосредственно, Б. Уорф, по сути, явился первым, кто сформулировал мысль о том, что язык определяет видение мира, и пришел к некоторым кардинальным выводам о взаимоотношении языка и психической, умственной сферы, практической деятельности людей» [2, с. 10—11].

Э. Сепир обращал внимание на то, что язык является «руководством к восприятию социальной действительности», и проводил идею о том, что люди в значительной степени находятся под влиянием того конкретного языка, который стал средством выражения для общества, где они живут. Американский исследователь отмечал, что «язык не существует вне культуры, то есть вне социально-унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [3, с. 185].

В последние десятилетия наиболее яркое воплощение тема взаимосвязи структуры языка и менталитета народа получила в работе А. Вежбицкой [4] и в

«Метаграмматическом трактате» В. П. Литвинова [5]. На первый взгляд, сегодня уже очевидно, что язык являет собой некий культурный код, определяющий особенности менталитета той или иной нации. Однако не все разделяют это мнение. Связь культуры с вербальной коммуникацией чрезвычайно сложна. «Отдельные ее аспекты традиционно рассматривались в языкознании с различных точек зрения, но до сих пор не на все вопросы получены однозначные ответы. Поэтому возвращение к данной проблематике на современном этапе не случайно, а закономерное» [2, с. 8].

Лишний раз убедиться в этом и остановиться на данном вопросе подробнее нас вынуждает статья Р. Руде о сравнительном анализе лексем «счастье» и «bonheur» в русском и французском языках. Р. Руде пишет: «Хотел бы остановиться на одной из актуальнейших на сегодняшний день тенденций русской лингвистики — попытке установить связь между факторами языка и национальной ментальностью» [6, р. 22]. Называя эту тенденцию типично русской (*typiquement russe*) и резко критикуя ее, Р. Руде приводит пример из книги А. Вежбицкой (игнорируя тот факт, что А. Вежбицкая — польский исследователь): «В русском языке предложения, построенные по агентивной личной модели, имеют более ограниченную сферу употребления в сравнении с аналогичными предложениями в других европейских языках. Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и вся-

чески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» [6, р. 22—23]. Такая характеристика русского национального менталитета приводит Р. Руде в состояние полного недоумения. Он критикует А. Вежбицкую за то, что «она на основании анализа неагентивных конструкций дает «ужасающую» характеристику русским: «неагентивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности». Анализируя данный пример, французский исследователь говорит о том, что подобный подход представляется ему неправомерным. С его точки зрения, «попытка провести мост (jeter une passerelle) между языковой структурой и некоторыми особенностями национального менталитета представляет собой опасную экстраполяцию» [6, р. 23—26].

В чем же видит опасность Р. Руде? Вероятно, в возможности распространения сделанных выводов на основании анализа лексико-грамматических конструкций и соответствующих национальных черт на всех представителей данной нации, на индивидуальный характер.

Для нас, российских исследователей, данная статья и высказанное Р. Руде критическое отношение к «подобного рода типично русским демаршам» [6, р. 26] представляет огромный интерес. Прежде всего, потому, что Р. Руде невольно для себя оправдывает справедливость данного подхода, его глубину и правомерность. Называя характеристику черт русского национального характера, представленную А. Вежбицкой, «чудовищной», Р. Руде непроизвольно демонстрирует, что он является носителем французского языка, представителем французского языкового сознания, в основе которого лежит личностное начало, восприятие мира через себя.

Как отмечает Е. М. Масленникова на основании анализа многих работ, к доминантам русской языковой личности, русского менталитета и русского коммуникативного поведения прежде всего относятся:

- религиозность как православие, опирающаяся на идеи преображения, страдания, искупления и спасения;
- идеи соборности;
- всемирная отзывчивость и душевность социальных отношений;
- созерцательность мышления и историческая терпеливость;

- бытовая импульсивность и неосмотрительность;
- закононебрежение и одновременно ответственность перед внешним контролем;
- ненадежность в деловом плане;
- неуверенность в собственных силах;
- нелюбовь к власти;
- непредсказуемость и спонтанность в действиях и поступках [7, с. 104—105].

Е. М. Масленникова замечает, что «главным источником, обеспечивающим «выход» на национальные образы мира, был и остается ТЕКСТ. Тексты проецируют на себя определенный национальный образ мира» [7, с. 105]. Текстовый универсум бесконечен и являет собой источник знания о национальном менталитете.

Основой текста является язык. Язык, его грамматический строй, лексика и фразеология, представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания. Выявление через языковые структуры особенностей того или иного языкового сознания и четкое доказательство его закономерностей на основании подробного анализа всех лексико-грамматических и фразеологических тонкостей языка представляются нам одним из самых перспективных и нужных направлений современной науки о языке. Лингвист, не давая оценок, что хорошо, что плохо, констатирует и доказывает языковыми факторами наличие или отсутствие тех или иных черт национального характера в языке. Причем иногда носителю языка труднее понять сущность своего языка, чем иностранному исследователю. Для этого необходим так называемый «выход из языкового сознания», отстраненность от родного языка. Мы должны быть благодарны А. Вежбицкой за такой подробный лингвокультурологический анализ русских языковых особенностей. Поэтапный анализ ключевых структур, отражающих суть языкового сознания, — огромная работа для носителей всех языков и на многие десятилетия. Однако можно предположить, что в будущем эти данные могут быть суммированы, учитывая современные технологические возможности, и человечество сможет подойти к возможности выявления определенного языкового кода для каждого языка и каждого языкового сознания. Многим с детства знакомо древнее изречение «ты столько раз человек, сколько языков ты знаешь». Современная лингвистика вплотную подошла к возможности с научной точки зрения объяснить этот факт. Овладевая иностранным языком, человек постепенно меняется ментально, приобретает черты, характерные для другого языкового сознания.

Однако, возвращаясь к статье Р. Руде, следует согласиться с французским исследователем в том, что напрямую связывать структуру языка и националь-

ный менталитет неправомерно и опасно. С нашей точки зрения, такое понимание «русского подхода» к анализу языковых структур вызвано неточностью терминологии, которое порой встречается в исследованиях российских ученых. Полагаем, следует более четко разграничивать понятия «языковое сознание» и «национальный менталитет».

На сегодня ни в англоязычных, ни во франкоязычных исследованиях не встречается термин «языковое сознание». В российских работах этот термин употребляется очень широко. Существует множество различных определений языкового сознания. Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой дает следующее определение: языковое сознание — это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [8, с. 18].

Т. Г. Ангелова трактует языковое сознание как «некоторое хранилище фоновых знаний в виде фреймов или психических схем» [9, с. 10].

Е. Ф. Тарасов понимает языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [9, с. 3].

П. Я. Гальперин и О. Я. Кабанова дают следующее определение: «языковое сознание — это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [10, с. 111—112].

Мы разделяем точку зрения, что грамматический строй языка представляет собой основу языкового сознания носителя. Например, выражение намерения что-либо сделать по формуле: *I am going to do* или *Je vais faire qch* (идти делать что-либо) в английском и французском языках представляет собой принципиально другое намерение, чем в русском языке, выражаемое формулой: *собираться* (т.е. *собирать себя*) *что-либо сделать*. В психологии есть понятие «чистое намерение». В английском и французском языках чистое намерение существует на уровне грамматического строя. Однако, на наш взгляд, грамматический строй языка является источником для выявления особенностей языкового сознания наравне с лексикой и фразеологией. В связи с этим мы предложили бы добавить этот аспект в определение, данное П. Я. Гальпериным и О. Я. Кабановой: языковое сознание — это закрепленный в лексико-грамматическом строе специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке. В таком виде, на наш взгляд, это определение в полной мере отражает

сущность того понятия, которое мы называем языковым сознанием.

Языковое сознание, безусловно, связано с понятием «национальный менталитет», однако эти понятия принципиально различны.

Теория менталитета возникла из осмысления феноменов коллективного сознания, находящихся в удалении от определенного коллектива, и служит инструментом в познании чужого. Теория ментальности дала возможность анализировать механизм формирования общественного сознания и исследовать механизм взаимодействия и взаимопонимания различных культур.

Когнитивная лингвистика считает менталитет специфическим способом восприятия и понимания действительности, определяемым совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей [11, с. 65].

В чем же принципиальная разница между языковым сознанием и национальным менталитетом? Полагаем, что именно языковое сознание определяет способ мышления индивида, о котором он не подозревает, но который воспринимает как данность. Языковое сознание мало подвержено изменениям, оно более статично. Языковое сознание влияет на национальный менталитет, однако менталитет — понятие более широкое. На его формирование влияют не только языковые явления, но и генетические, исторические, географические, политические и другие факторы. Национальный менталитет подвержен медленному изменению.

В связи с вышесказанным представляется более правильным говорить о непосредственной связи языковых структур именно с языковым сознанием. На французский язык это может быть переведено как «conscience linguistique» в отличие от понятия «mentalité nationale» — национальный менталитет. Следует также еще раз подчеркнуть разницу между национальным менталитетом и отдельным индивидом, принадлежащим к той или иной нации и несущим в себе ее черты. Здесь необходимо обратиться к понятиям «индивидуальная картина мира», «индивидуальное знание» и концепции слова как «средства доступа к единой информационной базе человека», которая на протяжении десятилетий разрабатывалась и подробно описывалась в трудах А. А. Залевской [12, с. 51].

Сознание индивида может меняться за счет овладения иностранным языком. Меняется индивидуальная картина мира личности. Закладывается и развивается апперцепционная база на втором языке, а следовательно, формируется второе языковое сознание. Таким образом, индивид может отойти от национального менталитета, однако языковое со-

знание носителя языка останется для него первичным.

На наш взгляд, схема взаимоотношений между вышеописанными явлениями выглядит следующим образом:

- от языка к языковому сознанию;
- от языкового сознания к национальному менталитету;
- от национального менталитета к индивиду и индивидуальной картине мира;
- от индивида через билингвизм к другому языковому сознанию.

Известно, что XXI век провозглашен ЮНЕСКО веком полиглотов. Можно предположить, что следующий век будет веком так называемых «осознанных» полиглотов, когда человек будет изучать язык, зная его ментальный код и желая изменить собственную жизнь, индивидуальную картину мира путем познания конкретного иностранного языка, что даст ему возможность изменить и собственный строй мысли в нужном ему направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / под ред. В. А. Звегенцева. — М., 1965. — Ч. 2. — С. 198—224.
2. Сомова С. В. Диалог культур как основа адаптации зарубежных учебных курсов английского языка к потребностям обучающихся / С. В. Сомова. — Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2008. — 108 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — М. : Прогресс, 1993. — 656 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры. — 1999. — 775 с.
5. Литвинов В. П. Метаграмматический трактат / В. П. Литвинов. — Пятигорск : Пятиг. гос. лингв. ун-т, 1998. — 215 с.
6. Roudet R. Le Bonheur linguistique : analyse comparee des lexemes scast'e et bonheur / R. Roudet — Le Bonheur dans la modernite // Modernites russes 5. — Centre d'Etudes slaves Andre Lirondelle. — Universite Jean-Moulin. — Lyon. — P. 20—29.
7. Масленникова Е. М. Лакунарные разрывы в диалоге культур : к пониманию сущности / Е. М. Масленникова // Слово и текст : психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2008. — Вып. 8. — С. 100—107.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : КомКнига, 2007. — 576 с.
9. Языковое сознание : содержание и функционирование : тезисы докладов 13-го Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, 1—3 июня 2000 г., Москва / под ред. Е. Ф. Тарасова. — М., 2000. — 288 с.
10. Кабанова О. Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке / О. Я. Кабанова, П. Я. Гальперин // Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной. — М. : Изд-во МГУ, 1972. — С. 109—133.
11. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 191 с.
12. Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. — 136 с.

Московский институт экономики, менеджмента и права

Нечаева Е. Ф., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики

E-mail: logata@yandex.ru

Тел.: 8-916-498-79-86

Moscow Economics, Management and Law Institute
Nechaeva E. F., PhD, Senior Teacher of the Department of Linguistics

E-mail: logata@yandex.ru

Tel.: 8-916-498-79-86